

В голове Гэ Ляна тут же вспыхнула расхожая присказка: «Если ты сделаешь то-то, то и свинья на дерево залезет». Мгновенно осознав всю научную непреложность того факта, что свиньи лазить по деревьям не умеют, он обхватил руками и ногами ближайший ствол и принялся карабкаться вверх.

Скреб-скреб.

Снова скреб-скреб.

Гэ Лян посмотрел вниз: после всех усилий его ноги оторвались от земли максимум сантиметров на десять.

Свиньи по деревьям не лазают.

Хаски — тоже.

Линь У, как представитель того же семейства псовых, благодаря человеческой половине своих спортивных генов забраться на дерево мог. Но не успел он подыскать подходящий ствол, как чуткое ухо уловило нарастающий хаотичный топот — кто-то стремительно приближался.

Он инстинктивно повернулся на звук.

Из густой лесной тени навстречу ему неслась огромная темная масса, постепенно обретая отчетливые очертания.

— Дикие кабаны! — вскрикнул Линь У.

Не успело затихнуть эхо его крика, как с ревом пронеслось стадо — никак не меньше семи-восьми голов. Обезумев от испуга, они летели напролом.

Лао Гэда за долгие годы в этих горах не сталкивался с подобным. С одним кабаном он бы еще сладил, но против целого стада оставалось только спасти свою шкуру.

— Бежим! — гаркнул он.

Голова Линь У вмиг опустела, остался лишь чистый инстинкт самосохранения. Услышав окрик Лао Гэда, он со всех ног бросился прочь.

Ветер яростно завывал, черные тучи опустились почти к самым верхушкам деревьев, и в сумрачной лесной чаще было совершенно невозможно разобрать стороны света.

Линь У мчался сломя голову, не выбирая пути и выжимая из себя максимум. В этот момент в нем заговорили едва ли не все спортивные гены джунглевого волка.

Сколько длился этот безумный бег, он не знал. Наконец силы иссякли, легкие горели огнем, и Линь У пришлось сбавить темп. Лишь замедлившись, он понял, что позади все стихло.

Он постепенно остановился и, тяжело, с трудом переводя дыхание, оглянулся.

Вокруг расстилался глухой пихтовый бор. Никаких кабанов не было и в помине, да и обратный путь совершенно затерялся из виду.

Лихорадочное возбуждение спало, Линь У мало-помалу пришел в себя и сразу осознал: дело плохо.

Он тут же достал рацию. Прежде они общались через рацию Лао Гэда ради экономии батареи, так что своей он воспользовался впервые. Стоило включить прибор, как из динамика наперебой посыпались голоса Чжао Ли, Гэ Ляна и ребят из остальных двух групп:

— Говори медленнее! Что с Линь У? — допытывался Чжао Ли.

— Мы наткнулись на стадо кабанов, он куда-то убежал и пропал! — паниковал Гэ Лян.

— Линь У, Линь У, ты слышишь? — звал Рэн Фэйюй.

— Линь У!.. — кричал Ся Ян.

Линь У облегченно выдохнул, мысленно возблагодарив блага цивилизации.

Пусть он и заблудился, но раз связь работала, паника отступила.

Зажав кнопку вызова, он поспешил откликнуться:

— Я в порядке, я сейчас...

Его голос оборвался.

Почувств за спиной чье-то присутствие, Линь У отпустил кнопку и медленно обернулся.

Прямо за ним стоял взрослый черный медведь.

Стоило юноше пошевелиться, как хищник поднялся на задние лапы — огромная, горой возвышающаяся туша полностью накрыла Линь У тенью.

Должно быть, из-за недавней бешеной скачки мозг мгновенно мобилизовал все ресурсы в стрессовой ситуации. В эту секунду Линь У почему-то вспомнил лекции по систематике и параграф о семействе медвежьих.

2.1.3. Что делать при встрече с медведем в дикой природе?

Во-первых, ни в коем случае не притворяйтесь мертвым. Голодный медведь съест вас в любом виде, а сытый из чистого любопытства начнет переворачивать лапой туда-сюда, облизывать шершавым, покрытым жесткими сосочками языком или просто усядется сверху всей своей массой.

Во-вторых, ни при каких условиях не бегите. Бегство мгновенно пробуждает в звере инстинкт преследования. Даже если после пробуждения вы способны обогнать медведя, человеческое тело плохо приспособлено к пересеченной местности: зверь в родном лесу не споткнется, а вот вы — наверняка.

Правильные действия при встрече с медведем: не кричать, стоять к нему лицом и медленно пятиться.

Медленно пятиться...

Линь У твердил это про себя как заклинание. Он аккуратно приподнял ногу и сделал плавный, очень осторожный шаг назад.

Медведь не шевелился.

Линь У бесшумно переставил вторую ногу.

С каждым осторожным движением его тело отдалялось от хищника.

Шаг.

Два.

Три...

Действуя медленно, но верно, Линь У сумел увеличить дистанцию между собой и медведем до пяти-шести метров.

Главное — продержаться.

Затаив дыхание, он отступил еще на шаг, даже не подозревая, что позади начинается крутой обрыв.

Стопа, ушедшая назад, лишь слегка зацепила землю носком, а затем провалилась в пустоту.

Потеряв опору, Линь У не удержал сместившийся назад центр тяжести. Единственная точка опоры исчезла, и нога соскользнула.

Он окончательно потерял равновесие, повалился ничком лицом к склону и стремительно покатился вниз по крутому глинистому обрыву.

«Эту местность зовут Склоном Слепого Медведя. Все из-за того, что впереди очень крутой и жутко незаметный спуск. В прежние годы, когда медведей тут водилось полно, на дне этого склона раз в пару месяцев находили разбившегося насмерть зверя, так что...»

Совсем недавно, когда они только вышли к Склону Слепого Медведя, Лао Гэда рассказывал им об этом.

Но теперь сокрушаться о собственной невнимательности было уже поздно.

Кувыркаясь и падая на бешеной скорости, Линь У отчаянно пытался зацепиться хоть за что-нибудь, но на склоне росли лишь колючие лианы и мелкие кусты. Они с треском вырывались с корнем, не в силах сдержать набравшее инерцию тело.

Он изодрал руки в кровь, ногти выворачивало из мяса, но пальцы соскальзывали с твердой сухой земли и мелкого гравия.

В считанные мгновения окровавленные пальцы онемели. Боль притупилась, сменившись ощущением жесткого трения о камни и землю.

Казалось, в этом падении его тело теряет вес.

Или, быть может, это было то самое чувство полета перед лицом смерти, когда сознание мутится, а душа готова покинуть плоть.

Но почему тогда... вместо исцарапанных пальцев резкая, невыносимая боль пронзила кости?

Острая вспышка боли мгновенно вырвала Линь У из забытья.

Он почувствовал, как во влажном воздухе, хлынувшем в ноздри, смешались запахи леса, гор и диких просторов — аромат первозданной, ничем не сдерживаемой свободы. Эти яркие, живые запахи мгновенно разошлись от рецепторов по всему телу, наполнили бешено колотящуюся грудь и вдохнули в его существо совершенно новую силу.

Его руки начали меняться.

Суставы пальцев уменьшились, стремительно отросла густая шерсть и когти. За какие-то секунды израненные ладони превратились в серые волчьи лапы.

Новые острые когти глубоко вонзились в землю склона, резко замедлив падение.

В то же время его тело тоже начало деформироваться.

Кости ломались с таким жутким скрежетом и болью, что Линь У, как ни крепился, не выдержал и завыл от муки:

— Ау-у-у!

С глухим стуком его тело наконец рухнуло на дно ущелья. Скорость падения к тому моменту уже существенно снизилась, так что удар не стал смертельным.

Линь У перекатился несколько раз и с трудом поднялся на ноги.

Теперь его взгляду открывались лишь кусты у самой земли.

Надвигалась гроза. Теперь он был настоящим джунглевым волком.

Под небом, разрываемым вспышками молний и раскатами грома, джунглевый волк вырвался из остатков сковывавшей тело одежды. Он потянулся всем телом, и его серая шерсть вздыбилась на ветру. Грозовые тучи не могли подавить эту новую, бьющую через край жизнь. Волк вскинул красивую голову и огласил горы долгим протяжным воем, пронзившим небосвод.

Под завывание ветра издалека донеслось многоголосое, шумное эхо. Оно походило на вой одинокого волка, рычание мелких хищников, шорох грызунов, с азартом роющих норы, и хлопанье крыльев испуганных птиц в кронах деревьев.

Бескрайние горы дышали жизнью.

Они взрастили великое множество живых существ и теперь со всей своей глубиной и нежностью принимали каждого обитателя и возвращающегося путника.

Он действительно превратился в волка.

Когда первый порыв звериных инстинктов утих, к Линь У мало-помалу вернулось хладнокровие. Он отчетливо ощущал, что его разум разделился на две области: одна управляла волчьим телом и повадками, другая сохраняла человеческое сознание и мысли.

Но эти две половины постепенно сливались воедино.

Линь У тайне со страхом размышлял о том, не предстанет ли перед ним Ван Е в облике свирепого и величественного амурского тигра, когда они наконец встретятся. Но он и подумать не мог, что пробуждение зверофикации произойдет с ним самим.

Тао Цэжань как-то говорил, что ощущения от зверофикации невозможно описать словами: лишь испытав это на себе, можно по-настоящему прочувствовать все ее волшебство и прелесть.

Но Линь У было некогда наслаждаться моментом. В то же мгновение чуткий нюх джунглевого волка уловил в принесенном ветром воздухе знакомый запах.

Ван Е!

Изумление от зверофикации, сумбур в мыслях и ломота в костях — все вмиг сделалось неважным.

Джунглевый волк вскочил и во весь опор помчался туда, откуда доносился запах.

Влажность воздуха стремительно росла, а в лесу потемнело так, будто наступила ночь.

Джунглевый волк мчался вперед не разбирая дороги. Его направление было точным, скорость — бешеной, а поиски — отчаянными, но сам горный хребет оставался для него чужим и незнакомым.

Он то и дело спотыкался о переплетенные плети колючих зарослей, падал и снова поднимался.

Он еще не умел уворачиваться от острых сучьев и низко свисающих сосновых веток, поэтому во время этого безумного бега его серая шерсть покрывалась мелкими царапинами.

Было ли ему больно?

Линь У не знал, ведь сейчас ему было уже плевать на все на свете.

<http://bllate.org/book/18288/1753682>